

ТАЙНЫ ФАВОРИТКИ ПАВЛА I

Отношения императора и Екатерины Нелидовой окутаны мифами и загадками

Историки до сих пор пытаются понять, что связывало дочь армейского поручика и самодержца всея Руси. Терялись в догадках и современники этой странной пары. Желая разгадать эту тайну, Николай I внимательнейшим образом перечитывал всю сохранившуюся переписку своего отца... Много лет изучающий эпоху Павла I кандидат исторических наук, научный сотрудник СПб ИИ РАН Михаил САФОНОВ поделился с «Мифами и фактами» результатом своих исследований.

Дурнушка из рода Гришки Отрепьева

— Когда произносят имя Екатерины Нелидовой, невольно вспоминаются строки Поля Верлена:

*Но облик женщины
порой неуловим —
И тот же и не тот,
он тает за туманом...*

Фаворитка царя была дочерью армейского поручика. Род Нелидовых происходил от Гришки Отрепьева. Это обстоятельство в семье, впрочем, не афишировали.

В шесть лет Катю Нели-

дову отдали в Императорское воспитательное общество благородных девиц при Смольном монастыре (позже — Смольный институт). Это был первый прием в только что открытое учебное заведение. В 1776-м она окончила институт восьмой по счету, получила золотую медаль второй величины.

При словах «фаворитка царя» представляется женщина красоты необыкновенной. Однако Нелидова в этот стереотип не вписывается. Она была не красива, но умные глаза, выразительное лицо и подвижный характер заставляли

забыть этот недостаток. Вот как о ней отзывались современники.

По словам смоляночки Глафиры Алымовой, «весьма умная Нелидова была отвратительно нехороша собой».

А вот отзыв другой выпускницы Смольного института, жены поэта Ивана Долгорукова: «Ей страшны были все женщины вообще, потому что ее дурнее во всех частях найти было нельзя в целом городе; при всем том она была очень умна». Муж Долгоруковой вспоминал: «Нелидова девушка умная, но лицом отменно дурна, благородной осанки, но короткого роста, черна как жук... но до того умна и любезна, что всякий, говоря с ней, забывал, что она дурна».

«Выторговала» у художника вершок роста

— Когда Нелидовой было 12 лет, Екатерина II назвала ее «феноменом». Смоляночка обратила на себя внимание императрицы благодаря «необыкновенной способности своей к танцам и живости движений во время игры на сцене». В знак особого благоволения Екатерина II подарила Кате Нелидовой перстень и включила ее в число восьми юных пи-

томиц Смольного, чьи портреты заказала Дмитрию Левицкому (цикл «Смолянки», 1772–1776).

Значительно позже в одном из писем Нелидова вспоминала, как она позировала Левицкому: «Мне было около тринадцати лет (в действительности 15 лет. — М.С.), когда меня писали, и я так была мала ростом, что не переставала умолять художника изобразить меня повыше и что благодаря усиленным просьбам, ласкам и всевозможным ужимкам, которые его очень забавляли, мне удалось выторговать по крайней мере целый вершок, если не больше».

Левицкий изобразил Нелидову в роли Сербины в комической опере Джованни Перголези «Служанка-госпожа». По этому случаю «Санкт-Петербургские ведомости» поместили дифирамбические стихи. Биограф Нелидовой так охарактеризовал этот портрет: «Мы видим на нем девочку 14–15 лет, уже сформированную, далеко не красавицу, но и далеко не оправдывающую вышеприведенный отзыв о ней ее подруги, с живым шаловливым выражением блестящих глаз, с кокетливой улыбкой большого рта, с манерной грацией движения, обрисовывающей выделяемое па».

Глядя на полотно Левицкого, очень легко понять Екатерину II, почему это существо вызывало такой восторг. Кажется, кисть художника изобразила одухотворенность и вдохновение.

Екатерина II

Фрейлина двух жен Павла I

— По окончании Смольного института Нелидова была определена фрейлиной к первой жене наследника престола Павла Петровича, Наталье Алексеевне. После того как та скончалась во время родов, Нелидова как бы по наследству перешла в штат второй жены цесаревича, Марии Федоровны.

Совершенно особое положение при дворе Павла Нелидова приобрела после возвращения великокняжеской четы из заграничного путешествия 1781–1782 годов. Тогда начался гатчинский период жизни Павла Петровича. Именно в это время он стал находить особое удовольствие в обществе Екатерины. Бывшая смоляночка живостью своего ума и характера, искренностью и благородством суждений более других отвечала его душевным запросам. И когда в 1788-м Павел отправлялся на войну со Швецией, он написал Нелидовой записку: «Знайте, что, умирая, я буду думать о Вас...»

В это время и супруге Павла, Марии Федоровне, и Нелидовой было уже около тридцати лет. Один из современников в своих воспоминаниях провел как бы сопоставление двух женщин.

Великая княгиня была очень красива, высока ростом, белокура, склонна к полноте и близорука; обращение ее было крайне скромное, до того, что она казалась слишком строгой и степен-

Глафира
АлымоваДмитрий
Левицкий

Остров любви, павильон Венеры

ной, по мнению многих – скучной. Нелидова была маленькая брюнетка с блестящими черными глазами, с лицом некрасивым, но весьма выразительным. Она танцевала с необыкновенным изяществом и живостью, а разговор ее при совершенной скромности отличался остроумием и блеском.

Одним словом, Нелидова была полной противоположностью Марии Федоровны.

Любовь или дружба?

– Отношения Павла и Нелидовой вскоре стали предметом пересудов. Но были ли они любовниками, или их связь была платонической? Вот главная тайна этой пары. Скрытых символов и того и другого достаточно много. Так, в Гатчине, на «Острове любви», возвышается павильон Венеры, выкрашенный в любимый цвет Нелидовой – зеленый...

Современники по-разному высказывались на этот счет. «Павел несколько лет был в нее чрезвычайно влюблен, и она многое из него умела делать, – писал, например, Иван Долгоруков. – Нелидова уже тогда стала его любовницей... Нелидова умела править и умом его, и темпераментом».

Долгорукову вторила его жена: «Нелидова вскружила Павлу голову, он ни о чем уже не думал, как о ней, замуравался в Гатчине, прекратились все съезды ко двору, одна Нелидова составляла его забавы и удаляла от взора великого князя всякое лицо для нее опасное, а ей

страшны были все женщины вообще...»

Но были и другие мнения. Так, например, Феофил Голицын писал, что привязанность Павла «к Екатерине Ивановне Нелидовой страстью никак назвать было нельзя. Все это его [Павла] занимало, забавляло, а когда случалось, что она не приезжала по вечерам во дворец, то я находил его еще веселее...»

Когда думал, что умирает...

– В 1790-м Павел тяжело заболел. Врачи не исключали возможности летального исхода... В это время цесаревич подготовил бумагу, которая должна была быть передана Екатерине II в случае его смерти.

Вот содержание этой бумаги: «Мне надлежит совершить перед Вами, государыня, торжественный акт, как перед царицей моею и матерью, акт, предписываемый мне моей совестью перед Богом и людьми: мне надлежит оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать, хотя бы негласно, из-за меня. Я видел, как злоба выставляла себя судьей и хотела дать ложные толкования связи между мадемуазель Нелидовой и мною. Относительно этой связи клянусь тем судилищем, пред которым мы все должны явиться, что мы предстанем пред ним с совестью, свободной от всякого упрека, как за себя, так и за других. Зачем я не могу засвидетельствовать этого ценою собственной крови? Свидетель-

ствую о том, прощаясь с жизнью. Клянусь еще раз всем, что есть священного. Клянусь торжественно и свидетельствую, что нас соединяла дружба, священная и нежная, но невинная и чистая. Свидетель тому Бог».

Павел в тот раз не умер – выздоровел.

А вот слова Нелидовой, обращенные к Павлу незадолго перед его смертью: «...Разве я когда-либо смотрела на вас как на мужчину? Клянусь Вам, что не замечала этого с того времени, как к Вам привязана, мне кажется, что Вы – моя сестра».

Маска для репутации?

– Известно, что Павел был очень искренним и глубоко религиозным человеком. Пол в Гатчинском дворце, где он молился, был стерт его коленями. Принимая это во внимание, биограф Нелидовой подчеркнул чисто нравственный, даже религиозный характер связи великого князя и Нелидовой, имевший отчасти мистическую подкладку. Судя по всему, исследователь несколько увлекся. Это скорее не беспристрастное описание фактов жизни, а панегирик. Большинство современников придерживалось иного взгляда, более соответствующего законам природы и более похожего на правду.

В Гатчине есть портал «Маска». Не исключено, что высказывания Павла и Нелидовой, на которые опирались биографы фаворитки, тоже не более чем маска. Например, Казимир Валишевский, автор популярной биографии Павла I, так прокомментировал слова Нелидовой о том, что она никогда не замечала в Павле мужчину: «Эти строки были бы убедительными, если бы они не предназначались для глаз Марии Федоровны».

По поводу же оправдательного письма Павла к матери Валишевский не без иронии заметил: «Ради того, чтобы защитить от мщения любимую женщину или спасти ее репутацию, какой же мужчина останется перед ложью?»

Казимир Валишевский

Сей «оправдательный документ» Павла отчасти напоминает Березовый домик, который в Гатчине скрывается за упомянутым порталом «Маска». На первый взгляд – штабель березовых поленьев. Но стоит войти внутрь, как перед глазами открывается великолепный альков, интимнейший уголок, в котором часто уединялись Павел и Нелидова...

В самом деле, судьба этого оправдательного документа и его внешний вид (о котором, кстати сказать, ни словом не обмолвился биограф-панегирист) наводят на некие размышления.

Текст этого письма был опубликован в «Русском архиве» Петра Баргенева. Однако издатель не поведал читателям, как документ попал к нему. А ситуация такова. Оказывается, письмо сохранилось в архиве Нелидовой. То есть оно не было доставлено Екатерине II. Письмо написано на четырех страницах тонкой писчей бумаги обыкновенного формата, очень небрежно и неразборчиво, изобилует орфографическими ошибками. Разумеется, в таком виде оно не могло быть отправлено императрице.

Вполне возможно, Павел по просьбе Нелидовой составил этот оправдательный документ и подарил его ей. Так что письмо могло быть написано не для Екатерины, а для потомства.

Сундук Нелидовой

– Конечно, не дело историка заглядывать в замочную скважину императорской спальни. Однако надо признать, что историки этим неоднократно занимались. Особенно их интересовал личный архив Нелидовой.

Петр Вяземский, друг Пушкина, писал: «У Нелидовой сундук с письмами Павла и со своим журналом». Когда же этот сундук наконец попал в руки исследователей, они испытали сильнейшее разочарование. Там обнаружилось 44 пакета документов, но среди них почти не было писем Павла. Не было здесь и писем Нелидовой.

Загадочное исчезновение этих

Николай I

документов в какой-то степени могут объяснить черновики работы о Нелидовой дипломата Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского, которые поступили в Государственный архив после его смерти.

Из них явствует, что в 1839-м, по кончине Нелидовой, Николай I отправил статс-секретаря Григория Вилламова за бумагами умершей. Вилламов привез во дворец два больших сундука, набитых письмами Павла и Марии Федоровны.

Император сам пожелал разобрать их. Особенно его интересовала «природа отношений, существовавших между мадемуазель Нелидовой и императором Павлом».

Закончив чтение, Николай Павлович спросил Вилламова, что тот думает по этому поводу. Статс-секретарь был настоящим царедворцем и не спешил с ответом. Тогда царь произнес: «Что касается меня, то я больше не сомневаюсь, что она была его любовницей». Запись об этом разговоре была сделана Алексеем Лобановым-Ростовским 12 июня 1869-го.

Как бы то ни было, тайна отношений Павла и Нелидовой, по сути, так тайною и осталась.

В одном из сохранившихся писем императора к фаворитке есть и такие строки: «Одному Богу известно, за что я люблю Вас»...

■ Подготовила
Елена Скворцова